
Нить пепла
Valery Black
18+

Valery Black

Нить пепла

«Автор»
2026

Black V.

Нить пепла / V. Black — «Автор», 2026

Семь дней до костра. Эйра Вельтрау, ведьма с чёрными волосами и шрамом-спиралью на запястье, уже знает, чем это кончится: пятнадцать лет назад она видела, как на том же поле сожгли её мать.Её допрашивает Каэлан Дорн, лучший дознаватель Святого Трибунала, человек, который никогда не ошибается и никогда не теряет контроль. Но стоит ему коснуться её запястья, как серебро на его руках вспыхивает, а между ними загорается золотая Нить.Теперь они не могут разойтись дальше двухсот шагов. Каждый чувствует боль и желание другого. А если умрёт один, не выживет и второй.Чтобы спастись, им придётся бежать вместе: через Лес Шёпотов, заснеженные перевалы и собственные запреты. Она ненавидит всё, что он олицетворяет. Он больше не уверен, чему служит. И чем ближе они к древнему Сердцу Нити, тем яснее становится: их встреча была не случайностью, а чьим-то расчётом.Кто-то очень давно ждал, когда они коснутся друг друга. И этот человек учил Каэлана молитвам.

© Black V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Костровое Поле 5
Глава 1. Ночь Допроса 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Valery Black
Нить пепла

Пролог. Костровое Поле

Стража пришла за Исольдой Вельтрау в ночь, когда впервые за осень не было дождя.

Эйра проснулась не от стука. Её разбудила тишина. Каждый вечер мама перебирала травы у очага и напевала без слов одну и ту же мелодию, и Эйра засыпала под неё, как под одеяло. Сейчас в доме было так тихо, что слышалось, как остывают угли.

Она приподнялась на лежанке. Мама стояла посреди комнаты с лампой в руке и смотрела на дверь.

— Одевайся, — сказала она. — Быстро. Надень башмаки и не задавай вопросов.

— Мам?

— Эйра.

Голос не стал громче, но девочка вскочила. Двенадцать лет она знала этот тон: так мама говорила, когда в дом приносили раненого и нельзя было терять ни мгновения.

Исольда подхватила её на руки, хотя Эйра уже была слишком большой для этого, и отнесла к задней стене. Там, за сундуком, была узкая дверца погреба. Мама открыла её, поставила дочь на ступеньку и заглянула ей в глаза.

— Ты пройдёшь через погреб, дальше по трубе, она выведет к ручью. Беги к Брите. Знаешь, где её трактир?

— «Три ворона». Мам, а ты?

— Я догоню.

— Ты врёшь.

Исольда на секунду закрыла глаза. Потом поцеловала её в лоб, крепко, до боли, как ставят печать.

— Ты слишком умная для двенадцати. Иди.

В дверь ударили так, что с полки слетели банки. Эйра нырнула в темноту, но дверцу не закрыла до конца и оставила щель шириной в палец. Она видела, как дверь слетела с петель. Как в комнату вошли люди в чёрных плащах, с серебряным солнцем на груди. Как они расступились, пропуская высокого старика в белом.

Он был совсем не страшный. Седые волосы до плеч, бледные глаза, мягкая улыбка, словно он пришёл навестить больную соседку.

— Исольда Вельтрау, — сказал он тихо. — Я Гедеон Марвис, Великий Трибун. Не бойся, дитя. Тебе не причинят боли до рассвета.

— Вы сожжёте меня, — ответила мама.

— Я очищу тебя, — поправил старик. — Это не одно и то же.

Эйра не помнила, как выбралась по трубе. Помнила только, что бежала по мокрой траве вдоль ручья и повторяла одно слово: «Мам, мам, мам», будто оно могло повернуть время вспять.

Семь дней она ничего не ела.

Так велит обычай: приговорённой ведьме дают неделю на покаяние. Исольда провела её в подвале Башни Очищения, а Эйра провела в маленькой комнате над трактиром, где пахло горячим вином с гвоздикой, потому что Брита варила его по ночам, сама не зная зачем, просто чтобы руки были заняты.

Брита была не старой тогда, сорока трёх лет, рыжей, как пламя, с красными руками и громким смехом, которого в эти дни не слышал никто. Она сидела у кровати и держала Эйру за запястье, будто боялась, что та растворится.

— Пойдёшь со мной, — сказала она на седьмой день. — Увидишь. Нельзя не видеть, девочка, иначе потом будешь выдумывать, как это было. А выдумывать хуже, чем помнить.

— Я не хочу.

— Я знаю. Но она хочет, чтобы ты была рядом.

Эйра встала.

По дороге она вспоминала всякие пустяки: как мама учила её отличать полынь от тысячелистника, как смеялась, когда у Эйры загорались уши от стыда, как однажды ночью рассказывала про отца, умершего пять лет назад. Эйра ещё помнила его голос, низкий и немного хриплый, как скрип старой двери. Она держалась за этот голос, как за перила.

Костровое Поле лежало за городской стеной, голая плешь земли, вытоптанная тысячей ног. Посередине стоял столб, а вокруг него уже сложили хворост. Народу пришло много. Люди переговаривались вполголоса, и в этих голосах не было ни ненависти, ни радости, только любопытство и скрытый страх. Эйра заметила в толпе женщину, которой мама зимой вылечила ребёнка. Та стояла, опустив глаза, и крестилась знаком Светоносного.

Брита встала позади и положила тяжёлые ладони ей на плечи.

Гедеон Марвис вышел на помост в белых одеждах, с книгой в руках. Голос у него был негромкий, но разносился на всё поле.

— Народ Вальмора! Мы собрались не из злобы. Мы собрались из любви. Свет един, и тот, кто крадёт его, должен быть очищен огнём, чтобы душа его вернулась к свету. Исольда Вельтрау семь дней имела право раскаяться. Она не воспользовалась им.

Привели маму.

Эйра едва узнала её. Волосы, всегда чёрные и густые, были острижены грубо, неровно. Руки связаны. На ней была серая рубаха, и шла она босиком, прямо, высоко держа голову, как ходила по своему дому. Она искала глазами и нашла. Увидела Эйру. И улыбнулась, словно всё это было странной игрой, которую они вот-вот закончат.

Палачи привязали её к столбу.

— Пусть простятся, — сказал Гедеон.

Брита вздрогнула, и её пальцы на плечах Эйры сжались.

— Это ловушка, — прошептала она. — Не ходи.

Но Эйра уже шагнула вперёд. Стража расступилась перед ней, как вода. Она шла через пустое пространство, и каждый шаг отдавался в ушах, как удар колокола. Мама наклонилась, насколько позволяли верёвки.

— Дай мне руку, — прошептала она.

Эйра протянула левую. Исольда, связанная у запястий, дотянулась до неё кончиками пальцев и сжала. Ровно на один вдох.

Кожу обожгло золотым, острым, как вспышка. Эйра вскрикнула, попыталась отдёрнуть руку, но мама не отпускала, и когда наконец отпустила, на запястье уже закручивалась тонкая спираль шрама, светящаяся, как раскалённая проволока.

— Нить найдёт тебя, — быстро сказала мама, почти беззвучно. — Не бойся её. Не мсти, слышишь? Просто живи. Я прошу.

— Мам…

— Я люблю тебя. Иди.

Эйру оттащили назад. Она не помнила, кто именно, может быть, Брита, может быть, чужие руки. Она видела только, как палач подносит факел.

Огонь не сразу пошёл вверх. Сначала задымил хворост у самых ног. Потом вспыхнул. Исольда не закричала. Она запела. Ту самую мелодию, без слов, которую пела каждый вечер, и

ровный голос поднимался вместе с дымом, пока в нём не появилась трещина, и тогда закричала Эйра.

Она кричала так, что у неё не осталось воздуха. Кричала, пока кто-то не зажал ей рот ладонью, пахнущей гвоздикой и вином. Кричала, когда голос мамы оборвался. Кричала, когда над полем остался один только запах, сладкий и тяжёлый, как жжёный сахар, и она вдруг поняла, что именно так пахнет её мама.

Потом люди начали расходиться.

Эйра не заметила, как осталась одна посреди поля. Брита что-то говорила рядом, но слова не доходили. Кто-то остановился перед ней. Лёгкая рука легла ей на голову, почти ласково.

Она подняла глаза. Высокий старик в белом смотрел на неё сверху вниз, и в бледных глазах не было ни злобы, ни торжества. Только мягкая, чуть печальная заботливость.

— Бедное дитя, — сказал Гедеон Марвис. — Не ненавидь нас. Мы делаем это, чтобы ты жила. Беги. Ты ещё понадобишься свету.

Он убрал руку и ушёл, не оглядываясь.

Эйра побежала. Не к Брите, а прочь, вслепую, через толпу, через вытоптанную землю, через дым. Споткнулась о чьи-то сапоги и упала бы, но её подхватили. Сильные, холодные руки поставили её на ноги, и она увидела чёрный плащ, серебряное солнце на груди и серебряные браслеты на запястьях. Юноша лет девятнадцати, бледный до синевы, с тонким шрамом над бровью, смотрел не на неё. Он смотрел на огонь, и по лицу его, как ни странно, текли слёзы.

Он выпустил её, как выпускают раненую птицу, и отвернулся.

Эйра не запомнила его лица. Только запах холодной стали. И то, что он плакал, хотя носил знак тех, кто убил её мать.

Через пятнадцать лет этот человек назовёт её по имени в Башне Очищения, и всё начнётся снова.

Глава 1. Ночь Допроса

В Ночь Угасших Свечей весь Кастельвар гасил огонь. Только в Башне Очищения огонь горел.

Эйра слышала его даже через толстую дверь: ровное, довольное потрескивание факела в коридоре. Она сидела на жёстком стуле, прикованная серебряными кандалами за обе руки, и старалась не смотреть на щель под дверью, где дрожала рыжая полоска света.

Не думай об огне. Думай о том, что у тебя замёрзли ноги.

Ноги правда замёрзли. Башмаки у неё отобрали, а каменный пол в допросной был холодным, как зимний ручей. Но хуже холода было другое. Воздух здесь был серым от серебряной пыли. Её сыпали в жаровни, втирали в стены, подмешивали в побелку, и каждый вдох оставлял на языке металлический привкус. Магия в Эйре, обычно тёплая и текучая, как мёд на солнце, лежала глухо и тяжело, будто колокол, из которого вынули язык.

Она попробовала потянуть Нить. Не ту, что сплетала раны и успокаивала жар: самую простую, ту, что чувствовала чужой пульс. Пальцы только сильнее сжались от боли. Кандалы раскалились на запястьях.

— Отлично, — сказала она вслух, хрипло, пустой комнате. — Просто великолепно.

Голос вышел совсем не таким бодрым, как хотелось.

Её взяли в полдень. Она шла из нижнего города с корзиной корешков для Бриты, когда на узкой улочке из-за угла вышли шестеро в чёрном. Они не кричали и не угрожали. Просто окружили, и тот, что стоял впереди, вежливо сказал: «Эйра Вельтрау? Вы пойдёте с нами». Она узнала бы этот тон из тысячи. Так говорят люди, которым давно не отказывали.

Она всё равно попыталась. Выбила корзиной зубы первому, укусила второго, и если бы они не догадались сразу надеть серебряные браслеты, ушла бы. Но они знали. Они пришли именно за ней, с серебром наготове, будто готовились неделями.

Это и тревожило больше всего. Ведьм сжигали за дело, за слух, за сглаз. Но чтобы вот так, точно, в полдень, на улице, зная имя…

Дверь открылась.

Первым вошёл парень лет девятнадцати: худой, рыжеватый, с оттопыренными ушами и стопкой бумаг, которые он прижимал к груди, как щит. За ним, не торопясь, вошёл второй, и Эйра сразу поняла, что парень тут для украшения.

Высокий. Выше любого мужчины, которого она знала. Чёрный плащ с серебряным солнцем на груди, чёрные перчатки, и ни одной лишней складки: он двигался так, словно каждое движение было заранее обдумано. Светлые, пепельные волосы падали до скул, и от этого лицо казалось ещё жёстче, чем было. Тонкий шрам рассекал левую бровь. Глаза были цвета льда на реке в начале зимы.

И серебро. На обоих запястьях, из-под рукавов, поблёскивали широкие браслеты, старые, потемневшие, с вытравленными знаками. Эйра никогда не видела, чтобы инквизиторы носили такое. Значок Ордена на груди, это понятно, но браслеты…

Он остановился у стола и положил на него тонкую папку.

— Эйра Вельтрау, — сказал он. Голос у него был низкий, ровный, без единой лишней ноты. — Меня зовут Каэлан Дорн. Я Молот Святого Трибунала, дознаватель первого ранга. Это Тобиас Финч, мой оруженосец. Он будет записывать.

— Очень приятно, — сказала Эйра. — Я бы встала, но у меня тут стул привязан.

Тобиас фыркнул и тут же сделал вид, что закашлялся. Каэлан Дорн даже бровью не повёл.

— Я понимаю, что вам неудобно. Если ответите на вопросы, мы снимем кандалы с одной руки.

— Щедро.

— Это не щедрость. Это правило. — Он сел напротив, расстегнул перчатки, положил их на стол. Руки у него были длинные, жёсткие, со старыми белыми шрамами на костяшках. — Вам дали воды?

— Нет.

Он повернул голову. Тобиас вздрогнул и бросился к двери.

— Через минуту будет, — сказал Каэлан, будто не он только что отдал приказ, а сама комната так решила.

Эйра смотрела на него и пыталась понять, где подвох. Она видела инквизиторов. Орущих, багровых, пахнущих луком и потом. Этот пах холодной сталью и кожей, смотрел спокойно и спрашивал, не хочет ли она пить. Пожалуй, он был самым страшным из всех.

Вопросы начались с самого простого.

— Ваше полное имя.

— Эйра Вельтрау.

— Возраст.

— Двадцать семь. Мне ещё рано умирать, как видите.

— Место рождения.

— Кастельвар. Нижний город. Дом был у ручья. Его сожгли, но вы, наверное, в курсе.

Он чуть заметно кивнул и записал что-то в папке сам, не передавая Тобиасу.

— Вы дочь Исольды Вельтрау, казнённой пятнадцать лет назад по обвинению в колдовстве.

Это не был вопрос. Эйра почувствовала, как в груди что-то сжалось, коротко и больно.

— Моя мать лечила людей, — сказала она ровно. — Тех самых, что стояли на поле и смотрели, как она горит.

— Я не обсуждаю приговор. — Он поднял на неё глаза. В них не было ни злобы, ни сочувствия, только внимание, внимательное и бесконечно терпеливое. — Мне нужно знать другое. Сегодня утром в нижнем городе, на улице Скорняков, вы вошли в дом, где болела девочка семи лет. Вы вышли через два часа. Девочка встала с постели. Это правда?

Эйра молчала. Девочку звали Лира. У неё был сильнейший жар, дыхание свистело, губы посинели. Лекарь из храма требовал за визит три серебряных «луча», которых у матери не было.

— Если я скажу «да», вы запишете «ведьма лечит детей» и повесите на меня ещё один приговор?

— Я запишу «да».

— Тогда да.

Тобиас вернулся с кружкой воды и застыл в дверях, не зная, куда её деть. Каэлан молча протянул руку, взял кружку и сам поднёс к её губам. Эйра дёрнулась, потом рассмеялась хрипло, зло.

— Вы серьёзно?

— Руки у вас заняты.

Она хотела отказаться из принципа. Но горло горело от серебряной пыли, а вода была холодной и чистой. Она выпила всю. Он отнял кружку и вернул Тобиасу, не сказав ни слова.

— Спасибо, господин инквизитор, — процедила она. — Вы очень любезны с теми, кого завтра сожжёте.

— Я не говорил, что завтра.

Её пальцы дёрнулись. Сердце ухнуло вниз.

— Приговор не вынесен, — спокойно продолжил он. — По закону вам полагается слушание. После него семь дней на покаяние. Так что не завтра.

— Какое облегчение.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем нужно.

— Вы часто шутите, когда вам страшно?

Эйра застыла.

— Я не боюсь.

— Вы боитесь огня. — Он не повысил голоса. — Вы ни разу не посмотрели на дверь, но каждый раз, когда факел трещит, у вас сжимаются плечи. Вы сидите так, чтобы тень стола закрывала щель под дверью.

Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Вам, видимо, платят за наблюдательность.

— Мне платят за то, чтобы я понимал людей. Тех, кого приводят ко мне. — Он помолчал. — Я не люблю пытки. Они дают признание, но не правду. Я предпочитаю разговор.

— Вы говорите это всем, перед тем как…

— Я говорю это вам.

Тишина повисла между ними, густая и странная. Тобиас перестал скрипеть пером. Где-то за стеной глухо ударил колокол: полночь.

Эйра вдруг поняла, что не может отвести взгляд. В его лице не было ничего мягкого, но в самой этой неподвижной внимательности было что-то такое, чего она не ожидала: он слушал. По-настоящему, до конца, как слушала мама.

Именно это и разозлило её сильнее всего.

— Хватит, — сказала она. — Хотите знать, использовала ли я магию? Да. Исцеляла ли? Да. Знаю ли я других ведьм? Нет, и даже если бы знала, вы бы не услышали. Что дальше? Привяжете к дыбе? Или опять будете предлагать воду?

Уголок его рта дрогнул. Это была не улыбка, только её тень.

— Дальше, — сказал он, — мне нужно осмотреть вашу левую руку.

Эйра похолодела.

— Зачем?

— Стандартная процедура. У осквернённых бывают метки: родимые пятна, шрамы. Мы фиксируем их в протоколе.

Врёт, мелькнуло у неё. Или не врёт. Но почему именно левая?

Она не носила рукавов выше запястья. Шрам-спираль, оставленный той самой ночью на Костровом Поле, был виден всем, кто хотел присмотреться. Но никто не присматривался пятнадцать лет. Кого волновал старый ожог?

— Нет, — сказала она.

— Это не просьба.

Он встал. Подошёл. Эйра вжалась в спинку стула, чувствуя, как серебро врезается в запястья. Он остановился совсем близко. От него веяло холодной сталью и чем-то ещё, едва уловимым: хвоей, может быть, или морозным воздухом. Он снял с неё левый кандал, быстро и бережно, не причинив боли.

Потом взял её руку.

Его пальцы были сухие и тёплые. Эйра ожидала холода, а он оказался тёплым, и это почему-то оказалось страшнее всего. Он перевернул её ладонью вверх, провёл большим пальцем по внутренней стороне запястья, там, где под кожей билась жилка, и чуть нахмурился, увидев спираль.

— Давно?

— С детства.

— Ожог?

— Можно и так сказать.

Он молчал. Смотрел на шрам, и что-то странное мелькнуло в его лице, как тень от облака. Узнавание. Или просто память, которая не хочет назваться.

Эйра хотела что-то съязвить. Не успела.

Спираль вспыхнула.

Сначала слабо, тонким золотым светом, будто кто-то провёл по коже раскалённой иглой. Потом ярче. Золото побежало по линиям шрама, и Эйра ахнула, потому что боль была не просто болью: она была чужой. Горячий узел вины и ярости, и одиночества такого плотного и давнего, что от него кружилась голова.

Это не моё, подумала она. Это не моё, откуда…

Каэлан Дорн дёрнулся, как от удара. Его браслет на правом запястье, тот самый, потемневший, со стёртыми знаками, раскалился докрасна. Эйра услышала шипение: серебро жгло кожу, но он не издал ни звука, только побелел.

И между ними, из спирали на её запястье, прямо к его руке, потянулась тонкая золотая нить.

Она была живой. Она пульсировала, как жилка. Она тянулась от Эйры к нему и обратно, натягиваясь и дрожа, и каждый удар пульса отдавался в голове. Эйра почувствовала его: то, как колотится сердце, как сжалось горло, как внутри, под ровной ледяной поверхностью, что-то лопнуло с тихим, почти слышным хрустом.

Она почувствовала его страх. Не перед ней, а перед тем, что только что случилось.

— Что… — Голос не слушался. — Что вы со мной сделали?

— Я ничего… — Он осёкся. Голос у него впервые дрогнул. — Это не я.

— Отпустите!

— Не могу.

Эйра дёрнула руку. Боль прошила обоих, острая, пополам, и она услышала, как он втянул воздух сквозь зубы. Она не видела, а чувствовала, как его боль накладывается на её собственную, как два эха, которые не могут разойтись.

— Не могу, — повторил он тише, и в этих двух словах было столько растерянности, что Эйра на миг забыла, что он её враг. — Пальцы не слушаются. Я пытаюсь.

Тобиас уронил перо. Оно покатилось по полу.

— Господин Дорн? — голос парня сорвался на писк. — Господин Дорн, она… у неё рука светится!

— Выйди, — сказал Каэлан, не оборачиваясь.

— Но…

— Тобиас. Выйди. И закрой дверь.

Парень вылетел из комнаты. Дверь хлопнула.

Они остались вдвоём. Эйра сидела, не в силах пошевелиться, и смотрела на золотую нить, дрожащую между их руками. Серебряная пыль вокруг неё медленно оседала, словно воздух вдруг стал тяжелее. Магия, которая всё это время лежала глухо, ворочалась, просыпалась, откликаясь на что-то. На него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.